

Российская Академия Наук
Институт философии

И.К. Пантин

СУДЬБЫ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Москва
2004

УДК 300.51
ББК 66.3
П 16

В авторской редакции

Рецензенты:

доктор филос. наук *Г.Г.Водолазов*,
доктор полит. наук *Е.К.Самарская*

П 16   Пантин И.К. Судьбы демократии в России. — М.,
2004. — 196 с.

Судьбы демократии в России — одна из самых обсуждаемых тем в литературе, отечественной и зарубежной. В книге рассматриваются исторические и современные аспекты становления демократии в России. Автор доказывает, что коллизии российской политической мысли, ее взлеты и падения, изживание иллюзий также входят в генезис современной российской демократии, как и драматическое — через крах коммунизма — освоение опыта Запада новыми поколениями. Совмещение этих составляющих — проблема и для политики, и для мыслящих людей.

Книга предназначена не только политологам и историкам, она будет интересна и более широкой — читательской аудитории.

ISBN 5–9540–0014–X

© Пантин И.К., 2004
© ИФ РАН, 2004

Светлой памяти Михаила Гефтера

... В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, — рядом
С любым из европейцев — человек

Максимилиан Волошин

Введение

Проблема демократии в России возникла в условиях, существенно отличающихся от тех, в которых она ставилась и обсуждалась в свое время в Западной Европе и Северной Америке. Именно эти условия, а не распространенное представление о демократии, связывающее ее исключительно с опытом стран «первого эшелона» капиталистического развития, задают действительные параметры проблемы, придают содержание понятию «демократия в России».

Поскольку западная демократия является наиболее развитой и наиболее многосторонней исторической организацией политической жизни общества, ее определения, понимание характера порождающих ее и порождаемых ею отношений дают нам возможность проникновения в природу других политических форм, вовлекаемых процессами глобализации в общее историческое русло. В этом смысле К.Маркс и утверждал, что «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны».

К сожалению, гносеологический характер марковского афоризма оказался утерянным (а вернее, не понятым) многими исследователями как на Западе, так и у нас, в России. Его стали толковать предельно вульгарно: реальное состояние поставторитарного общества стали сравнивать и оценивать в соизмерении (в противоположность Марксу, говорившему о *теоретическом* «проникновении») с классическими западными демократиями, рассматриваемыми как «эталон» качества современного политического устройства и как желаемое будущее всех стран. Крах коммунизма в странах Восточной Европы и в России окончательно определил триумф этих взглядов. Вместо поиска новых форм и моделей демократии, соответствующих специфике данного общества, стали стремиться как можно скорее насадить в своих странах институты и отношения западного политического устройства. В одних случаях это привело к сооружению «почти современного» *фасада*, за которым скрывается господство

прежних политических нравов и прежних методов правления. В других — «эталонные» демократические институты и отношения извращаются, становясь своей противоположностью, приспособляясь к произволу коррумпированной бюрократии, к приватизированному криминальными элементами государству. В России, например, воровали всегда, но то, что делалось в последнее десятилетие, превосходит все мыслимое и немислимое.

Виновата ли в этом демократизация?

Постольку-поскольку... Сейчас, на переломе тысячелетий, становится ясно как никогда, что вопреки канонам вестернизации, люди не могут жить на один (политический и иной) манер, даже если за подобным «манером» стоят успехи народов ряда регионов. Существование человечества — не только каким оно было, но и *каким ему быть* — это мир своеобразия, специфики, различий (в т.ч. политических), не нивелируемых влиянием других, даже передовых стран, но и не противопоставляющих себя передовому опыту. Ответ на вопрос «Что делать?» у каждого народа может быть только своим собственным. Но чтобы ответ этот был сегодняшним, а не вчерашним или позавчерашним, он должен учитывать проблемы завтра, т.е. быть современным.

Демократия в России сегодня — это не просто *незрелая* демократия (хотя элементы незрелости, разумеется, налицо), которая постепенно будет вызревать, накапливая опыт и втягиваясь в общее русло всемирного исторического движения. Это — демократия с иными, чем на Западе, проблемами, порожденными историей страны и стремлением обновить политический строй в условиях, резко отличающихся от тех, в которых проходило становление современной демократии в европейских государствах. Дело здесь не в «особости» России, а в необходимости *переоткрыть заново* (Б.Г.Капустин) принципы демократического и, естественно, либерального устройства, сообразуясь с ее историческими традициями, культурой и факторами современного существования. Когда-то такого рода «переоткрытием» занимались США, затем

Франция, Германия, сегодня эта задача стоит перед Россией. И это не измена демократической традиции, а, наоборот, следование ей (так же, как слепое подражание равняется разрыву с традицией). Демократия, как и свобода, слишком феноменальна, индивидуальна, динамична, чтобы следовать общим политическим образцам. Каждый народ выбирает свою свободу и в каждой исторической ситуации ищет свою меру соотношения и ограничения разных свобод.

Есть еще одна особенность ситуации, в которой началась демократизация в нашей стране. Вследствие включенности России в мировую экономическую и общественно-политическую систему духовная жизнь в нашей стране на протяжении столетий осовременивалась быстрее, чем экономические и социальные условия жизни ее населения. Отсюда своего рода инверсия взаимодействия социально-экономических и духовных факторов модернизации по сравнению со странами Западной Европы: духовная зрелость «культурного общества» в определенном смысле *опережает* материальную. Вопрос о зрелости общества (скажем, российского) для новоевропейских преобразований утрачивает прежнюю однозначность и становится вопросом нахождения новой связи между «бытием» и «сознанием», нового их единства. В свете всемирно-исторического опыта мы вправе сказать, что здесь действует закономерность «догоняющего» развития: в условиях глобальности мира, включающего высшие формы капитализма, видоизменяются региональные формы движения, появляется новое поле возможностей включения стран и регионов во всемирно-историческое целое.

Вот почему проблема демократии в России является еще до сих пор проблемой. Не в том смысле, что возможен откат назад, хотя и он не исключен, а в том — каким путем пойдет политическое и социальное развитие страны, справится ли демократия с традиционными бедами России — чрезмерной централизацией, всесилием бюрократии, чиновничьим произволом, диктатурой некомпетентности,

зависимым положением судов, неистребимой установкой «верхов» на удушение любой самостоятельности и индивидуальных свобод.

Опыт нашей страны еще раз подтверждает ту истину, что для создания эффективной демократии недостаточно завоевания демократами командных высот в государстве и создания по образцу передовых стран современных институтов. ***Сделать Россию демократической можно лишь демократическим путем.*** Импульсы сверху должны подкрепляться импульсами снизу. А это предполагает ряд условий и прежде всего подъем масс, моральный и материальный, не говоря уже о политическом — тех самых масс, которые «нынче так же, как и древле» ощущают себя забитыми, задавленными, отодвинутыми на обочину жизни — произволом властей предержавших, бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием перспективы. Приоритет ценностей свободы над материальным неравенством оказался чужд отечественной традиции, нашему историческому прошлому, российскому менталитету наконец. Дело не в том, что русский народ равнодушен к либеральным и демократическим ценностям, просто-напросто демократический режим в том виде, в котором он существует сегодня, не решил стоящих перед страной проблем, а скорее обострил и запутал их.

Почему же демократический прорыв не дал ожидаемых результатов, хотя и вызывал к жизни глубокие изменения общественных отношений? Чем объясняется «зазор» между политической жизнью Западной Европы и России? На какие препятствия наталкивалась (и наталкивается после 1991 г.) демократия в России? В силу каких причин наследниками и душеприказчиками демократических устремлений народа оказались люди и партии, не имеющие ничего общего с идеалами демократии и справедливости?

Сразу же напрашивается ответ из разряда очевидных. Конечно же, обучение россиян демократии в начале XX века (февраль—октябрь 1917 г.) и в конце его (90-е гг. XX века) было слишком коротким, а активные усилия — слишком

слабыми, чтобы люди в полной мере могли оценить ценности свободы и демократии. К тому же психологический импульс оказался чересчур слабым, сошел на нет, так и не став отправной точкой подлинно демократического, опирающегося на массы обновления.

Не отрицая правомерности такого рода ответов, мы попытаемся доказать, что корни проблемы демократии в России лежат глубже — в особенностях исторического пути развития страны, в специфике воздействия на нас государств Европы, в характере ценностей, разделяемых большинством населения. Иначе говоря, автор данной работы исходит из посылки, которая гласит: при анализе судеб демократии в России нельзя перескакивать через исторический *генезис* рассматриваемого предмета, далеко не безразличный к его существу, к его объективному содержанию.

В соответствии с этим пониманием предмета исследования мы попытаемся обрисовать сначала специфику исторического пути России с точки зрения концепций догоняющего развития, а уж затем перейдем к характеристике народничества — специфической формы демократической идеологии. Идеология демократизма в нашей стране возникла *до* и *независимо* от массового демократического движения, которого не существовало вплоть до революции 1905—1907 гг. Ее происхождение связано с воздействием передовой, прежде всего социалистической, мысли, а также исторического опыта Европы на политическую, духовную жизнь в России. Это обстоятельство наложило отпечаток на всю идейную эволюцию: начиная с А.И.Герцена и Н.Г.Чернышевского, русские демократы ставят вопрос о противоположности интересов либеральных модернизаторов и крестьянства, «капитала» и «труда», пытаются найти новые, небуржуазные пути общественного развития.

Воздействие социализма и рабочего движения Европы ускорило возникновение в России и марксистского направления (Г.В.Плеханов и его группа «Освобождение труда»). Марксизм был шагом вперед в развитии демократической и

социалистической мысли. Но он же, по крайней мере, в условиях России, радикально трансформировал демократическую традицию: «пролетарская демократия» как способ мысли и действия в исполнении большевиков носит уже ярко выраженный *якобинский* характер. В 1918–1921 гг. они подавили всякое сопротивление своей диктатуре, и в течение последующих семидесяти лет демократическая идея, а тем более движение, находились фактически под запретом.

Наконец, последние главы книги посвящены социальным и политическим последствиям августовского (1991 г.) переворота, политике руководящих групп, проводимой под флагом укрепления демократии.

Автор отдает себе отчет в том, что раскрытие замысла работы, предваряющее конкретное исследование проблемы, может вызвать сомнение в отношении фактической доказательности его концепции демократии в России, нарекания в предвзятости исходной позиции. Но предлагаемая работа не является историческим исследованием в собственном смысле этого слова. Ее цель — рассмотрение русской демократической традиции как некоего целого, без прорисовки деталей. Исследователю всегда приходится выбирать: либо предварительная прорисовка проблемы и «предвзятая» концепция, либо следование в каждом отдельном случае за фактом с последующим обобщением на основе здравого смысла. Автор работы выбрал первый путь.

ГЛАВА I

РОССИЯ: ОКОНЧАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦИКЛА?

Труднее трудного — ухватить целое. Движение целого.

Михаил Гефтер

Россия переживает сегодня кризис своих исторических оснований. Дело не только в том, что страна повсеместной государственной собственности, вовлекаемая на путь приватизации и капитализма, испытывает беспрецедентные экономические и социальные потрясения. Проблема глубже. Полностью исчерпал себя, закончился огромный исторический цикл догоняющего развития России со всеми его императивами, противоречиями, внутренними ограничениями, альтернативами и, наконец, человеческой ментальностью. Приходится менять вектор общественной эволюции. Громадной стране с богатой и противоречивой историей предстоит заново и, главное, по-новому обрести свою идентичность, решить, какой она войдет в XXI век, который вряд ли будет простым продолжением XX-го.

Исследователи российской истории ощущают этот «разрыв времен» прежде всего как внезапную утрату привычного поля проблем и устоявшихся способов их решения. Там, где вчера, казалось бы, царила полная ясность (даже если люди расходились друг с другом во мнениях), сегодня господствуют неразбериха и разброд точек зрения. Все сознают (или чувствуют), что, понимая предмет исследования по-прежнему, невозможно свести воедино старые и новые события из истории нашей страны. Однако относительно того, каким должен быть исследуемый предмет — целое страны, движение целого, — существует множество противоречивых и даже взаимоисключающих концепций. «Вопрососпособ